

Электронная библиотека Гражданское общество в России

В. А. Колосов, Н. А. Бородулин

Электоральные предпочтения избирателей крупных городов России: типы и устойчивость

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Kolosov_2004_4.pdf

ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ ИЗБИРАТЕЛЕЙ КРУПНЫХ ГОРОДОВ РОССИИ: ТИПЫ И УСТОЙЧИВОСТЬ

В.А. Колосов, Н.А. Бородулина

Задача электоральной географии — сопряженное изучение политических предпочтений избирателей на разных территориальных уровнях. Но для понимания процессов, происходящих в российском обществе, необходим и каждый уровень в отдельности. С точки зрения обеспеченности информацией наиболее доступен для анализа уровень субъектов Федерации. В этом случае имеющаяся статистика позволяет анализировать электоральное поведение граждан на протяжении всего периода проведения в стране демократических выборов. Однако субъекты РФ внутренне неоднородны и в социально-экономическом, и политическом отношении. В большинстве регионов результаты голосования в административном центре, городах и сельской местности настолько различаются между собой, что итоговые показатели по субъекту в целом серьезно искажают реальную картину расстановки политических сил.

Более адекватное представление о структуре электоральных предпочтений избирателей дает исследование на уровне территориальных избирательных комиссий (ТИКов), формирующихся в административных районах и городах. В частности, на этом уровне можно точнее рассчитать корреляцию между долей голосов, поданных за ту или иную партию, и долей горожан. Применительно к КПРФ такая корреляция при переходе с уровня регионов на уровень ТИ-Ков возрастает с 0,72 до 0,84, а применительно к "Яблоку" — с 0,60 до 0,85 [Жидкий 2002].

Степень урбанизации относится к числу важнейших факторов территориальной дифференциации электоральных предпочтений. Контраст между городскими и сельскими районами — одна из главных закономерностей географии выборов в России [см. Колосов и др. 1990; Туровский 1996]. Дело в том, что новые политические идеи чаще всего возникают в городских центрах и уже оттуда распространяются дальше. Поэтому крупнейшие города гораздо активнее голосуют за выражающие такие идеи политические силы, нежели периферия, особенно сельская.

Город всегда отличался от села своими реформаторскими настроениями, что нашло отражение в известной формуле: "демократический, реформаторский город — консервативное, конформистское село" [Петров, Титков 2000]. Как правило, чем крупнее город, тем слабее в нем влияние левых партий и прочнее позиции правых и центристских сил. Высокая доля интеллигенции и лиц с высшим образованием, развитый бизнес создают базу голосования за либералов. Некоторые исследователи даже склонны видеть в величине и статусе населенного пункта ключевой фактор, определяющий итоги выборов. По их мнению, где бы ни располагался областной центр — на Дальнем Востоке или на Северном Кавказе, чтобы спрогнозировать, как распределятся в нем голоса за разные партии, достаточно знать численность его жителей [Собянин, Суховольский 1995].

Как показано в работах Н.В.Петрова и А.С.Титкова, такая точка зрения не вполне обоснована. Рассматривая итоги выборов в Государственную Ду-

КОЛОСОВ Владимир Александрович, доктор географических наук, руководитель Центра геополитических исследований Института географии РАН, БОРОДУЛИНА Надежда Александровна, кандидат географических наук, научный сотрудник Центра.

му по городским территориальным избирательным комиссиям, ученые обнаружили серьезные различия в поведении избирателей областных центров одинаковой людности. Специфика сельского окружения накладывает отпечаток и на город. Это хорошо видно на примере крупных электорально-географических зон. Так, электоральные предпочтения жителей городских центров "красного пояса" (Краснодара, Волгограда, Омска, Новосибирска, Барнаула), будучи не столь консервативными, как в сельской местности, носят лишь умеренно-реформаторский или неустойчивый характер и весьма близки к типичным для сельских районов центральных областей. При этом, по заключению тех же авторов, точка равной поддержки коммунистов и демократов постепенно сдвигается в сторону крупных городов: если в 1991 г. она находилась между чисто сельскими и смешанными округами, то в 1995 г. оказалась между просто городами и региональными центрами. Вместе с тем исследования Н.В.Петрова и А.С.Титкова подтвердили зависимость итогов голосования от людности населенного пункта и его места в иерархии поселений. Более того, выяснилось, что эти факторы влияют также на активность избирателей и долю голосов "против всех". Проанализировав результаты выборов 1999 г. по территориальным избирательным округам (ТИО) пяти типов — столичным (Москва и Санкт-Петербург), региональных центров, прочим городским, смешанным и сельским, исследователи установили, что по мере продвижения от ТИО региональных центров к сельским участие в голосовании растет, а доля голосов "против всех" падает [Петров, Титков 2000].

В ходе своих изысканий Н.В.Петров и А.С.Титков использовали метод построения меридиональных профилей, пересекающих европейскую часть страны с севера на юг. Графики, фиксирующие долю голосов за отдельные партии в городах и районах, через которые проходит профиль ("гребенка"), отражают различия как между городами и сельской местностью, так и между городами в разных частях страны [Макфол, Петров 1998; Петров, Титков 2000]. Тем не менее, при всей своей наглядности и полезности такие профили — не более чем примеры, не дающие статистически значимой картины по всем типам городов и районов и для всей территории страны.

Для деления территории на избирательные округа и участки, ведения избирательных кампаний и прогноза итогов голосования большое значение имеет степень устойчивости политических предпочтений избирателей. В обширной литературе по электоральной географии России этой проблеме отведено сравнительно мало места. Среди обращавшихся к ней исследователей следует упомянуть Л.В.Смирнягина, который указал на постепенный рост устойчивости территориально-политической структуры России в 1991 — 1996 гг. [Смирнягин 1997]. Весьма плодотворной представляется также совокупность методов, разработанных Д.В.Визгаловым для оценки устойчивости результатов голосования в регионах [Визгалов 1999]. Опираясь на эти методы, авторы данной статьи смогли классифицировать крупные города по характеру поведения избирателей и его устойчивости и рассмотреть распределение между крупными районами страны городов разных электоральных типов, но одинаковой людности [Колосов и др. 2001, 2003; Kolossov et al. 2003].

В настоящей работе на основе апробированных ранее методов мы попытаемся оценить устойчивость электоральных предпочтений горожан на выборах 2003 г. в Госдуму и проследить те изменения, которые произошли по сравнению с предыдущими кампаниями*.

^{*} Поскольку полные результаты голосований стали доступны лишь начиная с думских выборов 1995 г., анализ политических предпочтений избирателей на уровне ТИКов проводился за период 1995 - 2000 гг.

МЕТОДИКА АНАЛИЗА

В наших предыдущих исследованиях [см. Колосов и др. 2001, 2003; Kolossov et al. 2003] анализировалось электоральное поведение жителей 165 городов страны с населением свыше 100 тыс. чел. Для сопоставления итогов президентских и парламентских выборов мы, вслед за другими исследователями [см. Гельман, Сенатова 1995; Холодковский 1995; Макаренко 1995], выделили пять "политических семей": левые, "национал-патриоты", центристы, правые и "партия власти". К левым были отнесены избиратели, на думских выборах голосовавшие за КПРФ, "Державу", Союз труда, "Власть — народу!", "Сталинский блок за СССР", Российский общенародный союз, Партию мира и единства, ВОПД "Духовное наследие", "Коммунистов — Трудящихся России", АПР, а на президентских — за Г.Зюганова, А.Тулеева, А.Подберезкина; к национал-патриотам — сторонники ЛДПР, КРО, ОПД "В поддержку армии", "Русского дела", "Блока Николаева и Федорова", на президентских выборах — В. Жириновского, А. Лебедя, Ю. Власова, С. Говорухина; к центристам — электорат "Блока Ивана Рыбкина", ОВР, социал-демократов, Партии народа, Партии пенсионеров, "Кедра", Социалистической партии России, "Женщин России", Российской партии защиты женщин. Объединения "За гражданское достоинство", на президентских выборах — М.Горбачева, С.Федорова, Э.Памфиловой; к правым (либералам) — избиратели ПРЕС, РДДР, "Демократического выбора России", "Яблока", СПС, Консервативного движения Л.Убожко, на президентских выборах — Г.Явлинского и К.Титова. "Партию власти" на парламентских выборах представляли НДР и "Единство", на президентских — Б.Ельцин и В.Путин.

Применительно к выборам декабря 2003 г. состав "политических семей" был определен следующим образом:

- левые: КПРФ, Российская партия пенсионеров и партия социальной справедливости, Аграрная партия России, "Партия СЛОН", "Родина"*, Партия мира и единства, Российская Конституционно-демократическая партия,
- "Развитие предпринимательства";
   национал-патриоты: ЛДПР, "За Русь Святую", Объединенная Российская партия "Русь", Народно-республиканская партия России, "Истинные патриоты России", "Великая Россия — Евразийский Союз";
- *центристы*: Российская экологическая партия "Зеленые". Народная партия Российской Федерации, Демократическая партия России, Партия Возрождения России — Российская партия жизни; — *правые:* СПС, "Яблоко";

  - партия власти: "Единая Россия"**.

Несмотря на то что от выборов к выборам состав участников электоральной гонки существенно меняется, электорат каждой из "политических семей" отличается территориально-политической устойчивостью, т.е. партийно-политические предпочтения избирателей остаются относительно неизменными. Такая неизменность обусловлена действием разнообразных социально-экономических, политических, географических и психологических факторов, определяющих поведение избирателей на выборах. Высокая и стабильная поддержка в городе определенной партии свидетельствует о формировании там иентра устойчивого влияния этой партии. Напротив. если политические предпочтения населения города меняются с большой ч стотой и амплитудой или если в течение продолжительного времени рав-

^{*} Этот блок включен в "семью" левых условно, поскольку фактически он опирался и на левый, и на "национал-патриотический" электорат [см. Туровский 2004].

^{**} Партия "Единение", набравшая 1,17% голосов, была вынесена за рамки анализа, так как ее трудно отнести к какой-либо "политической семье"

ные шансы на победу в нем имеют сразу несколько политических сил, можно говорить о *крайней неустойчивости* данного элемента электоральной структуры.

Для количественной оценки территориально-политической устойчивости предпочтений избирателей мы использовали несколько показателей. Прежде всего анализировалась *динамика мест*, которые занимают территориальные единицы (в нашем случае — города с населением свыше 100 тыс. чел.) по результатам голосования за ключевые политические силы. Изучение этой динамики дает возможность установить, насколько сильно перестраивается политическая структура городов.

Следующий показатель — место по норме, т.е. ранг города (среди других городов) по доле голосов, поданных за ту или иную партию. Анализ рангов позволяет судить о системе в целом — ее устойчивости, предсказуемости и т.п. Вместе с тем он не очень эффективен при оценке ситуации в конкретных городах — ранг города может вырасти даже в том случае, если доля набранных соответствующей партией голосов упала по сравнению со средней для всех городов. Причина в том, что у городов, которые занимали более высокое место в иерархии, падение оказалось еще более значительным. Для уточнения этого показателя используется коэффициент лояльности — отношение процента голосов, поданного за некую "политическую семью" в рассматриваемом городе, к проценту голосов, среднему по всем городам. Этот коэффициент более точно фиксирует политическое место города в системе крупных городов. Весьма полезен также совокупный коэффициент лояльности — средний процент голосов, полученных данной "политической семьей" за все анализируемые кампании.

Оценить степень устойчивости/неустойчивости электоральных предпочтений избирателей позволяет сумма амплитуд колебаний мест — перестановок (сдвигов) рангов города по модулю между следовавшими друг за другом кампаниями (первой и второй, второй и третьей и т.д.). Но такие перестановки могут носить не только однонаправленный, но и "попятный" характер, когда город сначала опускается (или поднимается) на несколько ступеней, а потом возвращается почти на прежнее место. Если бы перестановки шли строго в одном направлении, то сумма накопленных за все кампании перестановок была бы равна перестановкам между первой и последней кампанией. Если же она больше, то излишек указывает на размер "попятных" перестановок. Доля этого "излишка" в сумме перестановок, т.е. отношение "лишних" колебаний мест между кампаниями ко всем колебаниям, образует коэффициент попятности, с помощью которого можно уловить все имевшие место "скачки".

Тип политической ориентации городов определялся путем синтеза двух характеристик: собственно типа (качественной характеристики, обозначающей политическую ориентацию города) и устойчивости (динамической характеристики, отражающей степень постоянства такой ориентации). Всего было выделено семь типов городов.

- 1. Города, в которых коэффициент лояльности (КЛ) при голосовании за "левые" партии превышает 12 (Л).
- 2. Города, в которых КЛ превышает 1,2 при голосовании за демократов (ПР).
- 3. Города, в которых КЛ "партии власти" стабильно превышает 1,2 при КЛ "правых" менее 1,2* (ΠB).
- 4. Города, в которых КЛ "центристов" превышает 1,2 при КЛ "правых" менее 1,2 (Ц).

^{*} Установление "верхней границы" КЛ "правых" при выделении городов 3-5 типов обусловлено тем, что у многих центров этот показатель превышает 1,2.

- 5. Города, в которых КЛ "национал-патриотов" превышает 1,2 при КЛ "правых" менее 1,2 (НАЦ).
- 6. Устойчивые города (с малой амплитудой и частотой политических колебаний), не имеющие определенной политической ориентации (У). По многим электоральным параметрам эти центры демонстрируют среднестатистические показатели.
- 7. Города, отличающиеся большими и частыми колебаниями предпочтений электората (НЕ). У городов этого типа сумма амплитуд колебаний мест по голосованиям за коммунистов превышает 200 при коэффициенте попятности более 0.5.

ГОРОЛА РОССИИ В ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ 2003 г.

Прежде чем приступать к анализу электорального поведения горожан на выборах декабря 2003 г., целесообразно вкратце остановиться на основных особенностях думской избирательной кампании, которые во многом объясняют и сдвиги в политической ориентации российских городов.

Как известно, последние парламентские выборы в России ознаменовались безусловной победой "партии власти". Находящиеся в финансовой зависимости от Центра региональные столицы довольно послушно выполняли спускаемые "сверху" команды.

Заметно снизилось влияние идеологической составляющей избирательной кампании при возрастании роли "прагматического" компонента ("реального взгляда на жизнь"), что выразилось в победе региональных лоббистов, бизнесменов и чиновников, баллотировавшихся от "Единой России". Одновременно упало значение и харизмы кандидата, а также его финансовых возможностей: решающим фактором в борьбе за депутатское кресло стал административный ресурс. Используя современные "пиар-технологии", "партия власти" смогла придать своим кандидатам требуемый на местах имидж.

Победа в некоторых одномандатных округах центристов, выступивших на выборах в одной упряжке с "Единой Россией", также означала усиление "партии власти" (написано "центристы" — читай: "партия власти").

Одним из важнейших итогов выборов 2003 г. стало обрушение "правого" и (в известной степени) "левого" идеологических флангов. Либералы в лице СПС и "Яблока" оказались не в состоянии представить избирателям новых харизматических лидеров и пострадали от развернутой Кремлем антиолигархической кампании. Не смогла противостоять небывалой имиджевой экспансии со стороны "Единой России" и КПРФ, уступившая часть своего электората "медведям" и блоку "Родина". Последний добился впечатляющего успеха, поскольку его лидеры имели свежий и яркий имидж и умело вели предвыборную кампанию, удачно вписав ее в "общенациональную борьбу против олигархов". В результате "Родина" сумела мобилизовать заметную часть электората, недовольного своим настоящим и отсутствием перспектив на будущее [см. Бунин и др. 2003].

Неожиданно высоких показателей добились "национал-патриоты" из ЛДПР. Отчасти их успех объясняется тем, что, ориентируясь на протестный электорат, ЛДПР в то же время сохраняла лояльность популярному президенту и опиралась на разветвленную региональную структуру. Не менее важную роль сыграло то обстоятельство, что ЛДПР активно эксплуатировала в своей предвыборной кампании общественный запрос на обсуждение тем социальной справедливости и положения русских. Чрезвычайно удачным был девиз жириновцев — "Мы за русских, мы за бедных!".

Чтобы выяснить, в какой мере отмеченные выше закономерности проявились в электоральном поведении горожан, сравним результаты голосования в городах со средними по стране (см. табл. 1).

5,67

5,19

4,70

I no roceni z denom (e /v)								
	В круп	В среднем						
	более 1000 (13**)	600-1000 (11***)	400-600 (20)	200-400 (38)	100-200 (60)	по РФ		
Правые	17,28	11,73	11,49	10,14	9,69	9,11		
Левые	29,11	32,98	29,26	29,14	31,05	29,33		
"Национал-патриоты"	9,70	13,30	13,88	13,73	13,95	12,84		
Центристы	3,80	3,54	4,30	3,60	2,55	3,70		
"Партия власти"	32,10	30,41	33,13	35,99	33,15	37,57		
Явка	53,49	49,92	51,79	53,50	51,63	55,75		

Результаты голосования на выборах 2003 г. в крупных городах* и по России в целом (в %)

* Использованы данные по 142 городам, ставшие доступными сразу после выборов 14 декабря 2003 г. ** Москва, Санкт-Петербург, Новосибирск, Нижний Новгород, Екатеринбург, Самара, Омск, Казань, Челябинск, Ростов, Уфа, Волгоград, Пермь.

5,67

6.50

5.88

Против всех

*** Красноярск, Саратов, Воронеж, Тольятти, Краснодар, Ульяновск, Ижевск, Астрахань, Владивосток, Хабаровск, Ярославль.

Итак, мы видим, что, несмотря на провал либералов на общероссийском уровне, крупные города (особенно города-"миллионники") активно голосовали за правых, доля поданных за них голосов там более чем на 8% превышает средний показатель по России. Пик пришелся на традиционные "вотчины" правых — Пермь (25,8%) и Екатеринбург (21,9%), оставившие далеко позади Москву (19,8%) и Санкт-Петербург (18,6%). Относительное уменьшение правого электората с уменьшением численности населения города — хорошо знакомое явление, вполне подтвердившееся и на последних думских выборах.

Жителям крупных городов импонирует сдержанный имидж руководителя "Яблока" и партии в целом, отсутствие связанных с ней скандальных ситуаций, интеллигентность лидера. В этом духе высказывались, в частности, участники фокус-групп, проведенных в Москве и Санкт-Петербурге Центром политических технологий в начале ноября 2003 г., т.е. в разгар избирательной кампании: "Интеллигентные люди — меня это привлекает... Не было за столько лет агрессии, скандалов... Грамотный, свободно на английском изъясняется... Партия интеллигентных людей..." [http://www.politcom.ru/2003/obsh_vibor9.php].

СПС участники фокус-групп считают партией практиков {"Молодые, энергичные реформаторы... В практическом плане решают вопросы рыночной экономики... Они единственные, кто на позитивное будущее работает..."). Он ассоциируется с молодежью, научными институтами, образованием, новыми стройками, надеждами на будущее, "европейскостью", мобильностью [http://www.politcom.ru/2003/obsh_vibor9.php]. По мнению респондентов, либералы пользуются поддержкой научных сотрудников, интеллигенции*.

Вместе с тем крупные города дали и неожиданно высокие результаты голосования за левых, в городах-"миллионниках" этот показатель составил 29,1% (при 29,3% по России в целом), а в городах с населением 600-1000 тыс. чел. даже 33,0%. Вероятно, все дело в том, что в таких городах при более низком

^{*} Такие представления соответствуют действительности. Как свидетельствуют наши исследования электоральной географии Москвы (по материалам выборов 1993 — 2001 гг.), высокое влияние "Яблока" и особенно СПС (как и его предшественника — ДВР) характерно прежде всего для районов и кварталов, где расположено много офисов, вузов, НИИ и кооперативных домов и где относительно велика доля лиц с высшим образованием [см. Колосов 1996; Вендина, Колосов 1996; O'Loughlin et al. 1997; Kolossov, Vendina 2002].

уровне жизни меньше доля конформистского электората. Следует также отметить, что своими высокими показателями левые обязаны не столько КПРФ, сколько "Родине", условно отнесенной нами к левым партиям. Программа КПРФ казалась избирателям не слишком убедительной: как подчеркивали участники московских фокус-групп, при существующих социально-экономических реалиях перспектива, рисуемая в документах партии, неактуальна и недостижима. Кроме того, по убеждению ряда респондентов, за внешне привлекательными лозунгами КПРФ зачастую скрываются лишь политические амбиции партийных функционеров, имеющие мало общего с провозглашаемой идеологией ("Не понимаю, что они делают и куда идут... Они не предлагают ничего реального...") [http://www.politcom.ru/2003/obsh vibor9.php].

Картина голосования за "национал-патриотов" не преподносит никаких сюрпризов: показатели ЛДПР, крайне низкие в крупнейших городах (9,7% при 12,8% в среднем по России), обратно пропорциональны людности (в городах-"стотысячниках" доля голосов за жириновцев — 14,0%). В этом смысле весьма удачной представляется характеристика, данная Жириновскому одним из московских респондентов: "Плохой провинциальный театр..." [http://www.politcom.ru/2003/obsh_vibor9.php].

В распределении голосов за "партию власти" — "Единую Россию", как и за иентристов во главе с "Народной партией" и "Российской партией жизни", пик приходится на "середку" — города с населением 400-600 тыс. чел. Именно они наиболее подвержены влиянию административного и финансового ресурса. В "стотысячниках" усиливается роль местных факторов — региональной политической культуры, нередко более благоприятной для коммунистов и "национал-патриотов". Довольно "прохладно" относятся к "партии власти" и в "миллионниках" (32,1% при 37,6% по $P\Phi$).

Снижение легитимности выборов, проявившееся в падении уровня явки (55,8% против 64,7% в 1995 г.) и увеличении доли голосующих против всех (4,7% против 2,8%), наиболее отчетливо выражено в городах с населением 600-1000 тыс. чел. Данная ситуация, по-видимому, объясняется теми же факторами, что и "повышенная" симпатия таких городов к левым, а именно: меньшей долей конформистского электората и более низким по сравнению со столицами уровнем жизни.

СДВИГИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРИЕНТАЦИИ ГОРОДОВ МЕЖДУ 1995 - 2000 И 2003 гг.

Попытаемся теперь оценить те сдвиги, которые произошли в типологической структуре российских городов по сравнению с 1995 — 2000 гг. (см. *табл. 2*). Анализ распределения городов по характеру политических ориентации избирателей позволяет сделать следующие выводы.

Таблица 2
Типология городов России по особенностям политической ориентации избирателей
(данные по 142 городам)

	Код	Тип	Число городов		
	КОД	INII	1995 - 2000 гг.	2003 г.	
1	Л	Стабильно "прокоммунистические" города	36	27	
2	ПР	Стабильно либерально-демократические города	30	41	
3	ПВ	Города "партии власти"	18	13	
4	Ц	Города центристской ориентации	14	14	
5	НАЦ	Города "национально-патриотической" ориентации	16	23	
6	У	Устойчиво нейтральные города	22	14	
7	HE	Крайне неустойчивые города	6	10	
	Всего		142	142	

77

1. Радикально изменилось соотношение прокоммунистических и либерально-демократических городов. Если раньше их количество было почти равным (с небольшим перевесом "левых" — 36 и 30), то теперь налицо сильный крен вправо (27 и 41). Более того, к категории "правых" сегодня относится почти треть городов (прежде всего — крупнейшие). Традиционно высокую поддержку либералы находят на демократическом Севере (в Санкт-Петербурге, Архангельске, Кирове, Новгороде, Петрозаводске, Ухте, Северодвинске), на Урале (в Екатеринбурге, Ижевске, Челябинске), а также в Сибири (в Иркутске, Томске и Северске, где высока доля образованных людей). Оплотом "правых" на Юге выступает Ростов-на-Дону. Поддерживает их и анклавный Калининград.

В 2003 г. "правыми" стали Ярославль, Уфа и некоторые другие крупные города. Тем не менее, увеличение числа "правых" городов произошло преимущественно за счет относительно небольших центров (людностью 100-200 тыс.) европейской части страны. Новая тенденция — продвижение правых в Южную Сибирь и на Восток. "Поправели", например, ранее "национал-патриотический" Владивосток и прокоммунистические Кемерово и Улан-Удэ.

Самым мощным бастионом либерально-демократических сил по-прежнему остается Москва. При этом многие крупные города Подмосковья (Люберцы, Балашиха, Электросталь, Мытищи), поддерживавшие прежде центриста Лужкова, перешли в разряд "правых" и по электоральной ориентации "приблизились" к столице. Другая часть подмосковных городов вслед за Лужковым переориентировалась на "партию власти" (Ногинск, Подольск).

2. "Левые" города размежевались "по партийной принадлежности". Такие крупные города, как Воронеж, Самара, Красноярск, Ульяновск и Астрахань, вошли в число "левых" благодаря высокой доле голосов за блок "интеллигентного экономиста" Глазьева. Меньшие по размеру города европейского "красного пояса" и Южной Сибири (Старый Оскол, Тамбов, Энгельс, Орел, Елец, Камышин, Бийск, Рубцовск и ряд других с населением от 100 до 200 тыс. и — реже — от 200 до 400 тыс. чел.) сохранили приверженность КПРФ.

Города "красного пояса" сблизились по характеру голосования с прокоммунистическим сельским окружением. Среди них не только малые, но и крупные города вроде Воронежа и Астрахани, переметнувшиеся от "партии власти" к "левым". В Волгограде в 2003 г. сильно повысилось влияние национал-патриотов.

Уменьшение числа "левых" городов обусловлено главным образом их переходом в разряд "центристских". Таковы, например, Чебоксары, Брянск, Новочебоксарск, Салават. Еще четыре города переориентировались на "партию власти" и четыре — на "национал-патриотов". Все эти города — "периферийные стотысячники". Если воспользоваться формулой "написано 'центристы' — читай: 'партия власти'", то можно сделать заключение, что в относительно небольших по людности региональных столицах и периферийных городах произошел сдвиг в сторону последней.

3. Победа "партии власти" на общероссийском уровне не сильно отразилась на политической ориентации крупных городов. Вместе с тем, несмотря на уменьшение числа городов, отдающих предпочтение "партии власти" (с 18 до 13), не столь уж велики и ее потери — многие центры поддержки этой партии (Новокузнецк, Нижнекамск, Глазов) просто перешли в категорию "неустойчивых". При этом успех "единоросов" в Сочи не помешал ему остаться в числе "устойчивых" городов. Иными словами, ситуация выглядит довольно стабильной.

Интересно, что распределение городов "партии власти", в отличие от "правых" и "левых", относительно равномерно географически. Отсюда следует, что управляемость электората зависит не от местоположения города, а от влиятельности властей конкретного региона и их политики. Единственное исключение — национальные республики, где электорат во всех городах подкон-

тролен местным руководителям (Татарстан, Башкирия, Ингушетия и т.п.) и почти всегда голосует за "партию власти".

4. Городов "национально-патриотической" окраски прибыло — их теперь насчитывается 23 (при 16 в 1995 — 2000 гг.). Наряду с низкой явкой и высокой долей голосования "против всех", это свидетельствуют о росте протестных настроений горожан. Наибольшей популярностью ЛДПР пользуется среди относительно малообразованного и не очень благополучного населения городов людностью от 100 до 200 тыс., особенно — приграничных центров Дальнего Востока и Сибири. В 2003 г. к ним прибавились некоторые города европейского Юга (Новороссийск, Шахты, Новошахтинск, Волгодонск), а также Южной (Благовещенск, Курган) и "ресурсной" Сибири (Ангарск, Ачинск, Нижневартовск, Сургут, Усолье-Сибирское). В четырех городах (Новошахтинске, Нефтекамске, Курске, Кургане) наблюдался переток протестного электората от левых партий к "национал-патриотическим".

Неизменно высокой остается поддержка "национал-патриотов" в крупных промышленных городах Урала — в недалеком прошлом типичных советских сверхиндустриализованных центрах, возникших вокруг одного или нескольких промышленных гигантов (Нижний Тагил, Оренбург).

5. Число "устойчиво-нейтральных" городов сократилось с 22 до 14, а "неустойчивых" — увеличилось с 6 до 10, что говорит об общем усилении неустойчивости политической структуры российских городов. Уменьшение количества "устойчивых" городов обусловлено прежде всего сдвигом вправо части небольших городов, а также превращением некоторых из них в оплоты "партии власти" или центристов. Среди крупных центров "устойчивость" сохраняют Краснодар и Саратов, хотя в первом случае также заметно продвижение вправо. В основном же к этому типу относятся консервативно настроенные малые и средние города Юга и "красного пояса".

* * *

Суммируя вышесказанное, можно сделать вывод об относительной независимости поведения электората крупнейших городов России от особенностей региональных политических культур и углубляющемся разрыве между политическими предпочтениями жителей региональных центров и "периферии". Поляризация между сельским и городским электоратом усилилась: сельский становится все более левым, городской — все более правым. Вместе с тем поляризуются и политические предпочтения городского населения России. Города "красного пояса" все больше сближаются по своим ориентациям с сельской глубинкой.

Бунин И., Макаренко Б., Макаркин А. 2003. Россия после выборов или Россия перед выбором? — http://www.politcom.ru/.

Вендина О.И., Колосов В.А. 1996. Социальная поляризация и политическое поведение москвичей. — *Социологический журнал*, № 3-4.

Визгалов Д.В. 1999. География парламентских выборов в Англии: специфика территориальных различий в соотношении политических сил. — Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. Вып. 14. М.

Гельман В., Сенатова О. 1995. Политические партии в регионах России: динамика и тенденции. — Власть, № 5.

Жидкин А.П. 2002. Территориальные различия в структуре и динамике электоральных предпочтений населения России. Дисс. на соискание ученой степени кандидата географических наук. М. Колосов В.А. 1996. Москва на политической карте России и политическая карта Москвы. — Известия РАН. Сер. География, № 5.

Колосов В., Визгалов Д., Бородулина Н. 2001. За кого голосуют избиратели крупных городов? — *Выборы*, № 6.

Колосов В.А., Визгалов Д.В., Бородулина Н.А. 2003. Типы и устойчивость политических предпочтений избирателей крупных городов России в 1995 — 2000 гг. — Колосов В.А., Эккерт Д. (ред.) Крупные города и вызовы глобализации. Смоленск.

Колосов В., Петров Н., Смирнягин Л. (ред.) 1990. Весна-89: География и анатомия пар-

ламентских выборов. М. Макаренко Б.И. 1995. Политические партии накануне выборов: организации, программы, перспективы. Доклад Центра политических технологий. М.

Макфол М., Петров Н. (ред.) 1998. Политический альманах России 1997. Т. І: Выборы и политическое развитие. М.

Петров Н., Титков А. 2000. Электоральный ландшафт. — Макфол М., Петров Н. (ред.) Россия в избирательном цикле 1999 — 2000 годов. М.

Смирнягин Л.В. 1997. Пять лет и восемь голосований — созрела ли территориальная структура российской политики? — Региональное сотрудничество и развитие, № 0 (экспериментальный).

Собянин А., Суховольский В. 1995. Демократия, ограниченная фальсификациями: Выборы и референдумы в России в 1991 — 1993 гг. М.

Туровский Р.Ф. 1996. Политическое расслоение российских регионов (история и факторы формирования). — Партийно-политические элиты и электоральные процессы в России: Лналит. обзор Центра комплексных социальных исследований и маркентинга. Сер. Политология. Вып. 3. М.

Туровский Р. 2004. Новая и хорошо забытая старая электоральная география. http://www.politcom.ru/2004/.

Холодковский К. 1995. Российские партии и проблема политической структуризации общества. — МЭиМО, № 10.

Kolossov V., Vendina O. 2002. De l'homogeneite a la diversite. La restructuration sociale a Moscou dans les annees 1990. - Haeringer Ph. (dir.) La refondation megapolitaine, une nouvelle phase de Vhistoire urbaine. T. I : Eurasie post-communiste, Techniques, Territoires et Societes. Paris.

Kolossov V., Vizgalov D., Borodulina N. 2003. Voting Behavior in Russion Cities, 1995 — 2000. The Journal of Communist Studies and Transition Politics, vol. 19, № 4.

O'Loughlin J., Kolossov V., Vendina O. 1997. The Electoral Geographies of a Polarizing City: Moscow, 1993 — 1996. — Post-Soviet Geography and Economics, vol. 38, № 10.

